

В воображении Лу Цинцзю Бай Юэху должен был быть духом-лисом с божественным самообладанием и мудрым ликом, презирающим смертную пищу и чуждым мирским распрям.

Но, пожив некоторое время с Бай Юэху, Лу Цинцзю понял, что главная причина его нежелания ввязываться в большинство дел – лень. А теперь выявилась и вторая... бедность.

Он был слишком ленив, чтобы добывать человеческие деньги, поэтому у Бай Юэху их и не было. А раз не было денег, он не мог позволить себе сяолунбао. Оставалось лишь с горечью питаться всякими гигантскими гекконами да вэньяо – его существование было настолько жалким, что даже теплой пищи ему не доставалось.

Стоило ли называть Бай Юэху жалким? Лу Цинцзю поразмыслил об этом, и настроение его тут же стало сложным. Существоющий лишь в мифах вэньяо, деликатес, недоступный простому смертному, превратился в глазах Бай Юэху в нечто отвратительное. Что ж, неважно, насколько вкусно блюдо, если питаться им сто или тысячу лет подряд – оно наскучит и станет пресным.

Лу Цинцзю смотрел на Бай Юэху с его новой короткой стрижкой. Тот уселся в кресло-качалку и вновь принялся ритмично раскачиваться. Лу Цинцзю вспомнил шутку, которую часто повторяла Чжу Мяомяо: «Моя жизнь могла бы сложиться счастливо, да мешают деньги».

Он не сдержал тихого смешка. Услышав его, Бай Юэху повернулся:

«Чему смеешься?»

Лу Цинцзю спрятал улыбку:

«Ничему. Просто хотел спросить, что ты будешь есть сегодня вечером?»

«Все, что приготовишь, – хорошо».

Лу Цинцзю вспомнил об их первой встрече и сказал: «Может, сяолунбао? Если хочешь, я съезжу в город и куплю».

В вопросах вкусной еды Бай Юэху всегда становился удивительно сговорчивым:

«Хорошо».

«Ладно, сначала я поставлю кашу, а ты поможешь приглядеть за огнем. Инь Сюнь, а ты поедешь со мной».

Инь Сюнь, необычайно тихий после возвращения с горы, молча кивнул.

Они вышли из дома и направились к пикапу, но, усевшись внутрь, Инь Сюнь вдруг забеспокоился. Лу Цинцзю спросил: «Что такое?»

Инь Сюнь ткнул пальцем в сиденье под собой: «А это... на какой части слизняка мы сидим?»

Лу Цинцзю не знал, смеяться ему или плакать. Он утешил Инь Сюня парой фраз, мол, у слизняков конечностей нет, так что какая разница? Он заметил, что с тех пор, как Инь Сюнь увидел Бай Юэху на горе, с ним творилось что-то странное. Он пытался выяснить, в чем дело, но Инь Сюнь отделивался небрежными отговорками, и Лу Цинцзю махнул рукой.

Нервы у Инь Сюня крепкие, и Цинцзю рассчитывал, что через пару дней друг придет в норму.

Ресторанчик в городе работал с утра до восьми вечера. Он продавал только сяолунбао, и ничего более. Они были настолько хороши, что люди специально приезжали в город, чтобы их попробовать.

Лу Цинцзю ел их лишь однажды – как раз тогда, когда угощал Бай Юэху.

«Почему ты вдруг решил купить ему сяолунбао?» — Инь Сюнь развернулся на сиденье пикапа.

«Потому что тебе было не по себе дома? — Лу Цинцзю ухватился за руль, глядя вперед. — А когда я спросил, что случилось, ты отвечать не захотел».

Инь Сюнь почесал затылок, виновато извиняясь: «Не то чтобы не хотел... просто не могу объяснить. Это было будто... инстинктивная реакция всего тела».

Когда он увидел Бай Юэху в черном одеянии, из самой глубины его существа поднялся необъяснимый, первобытный страх. Он и сам не мог понять его источник, не то что объяснить Лу Цинцзю.

Лу Цинцзю не стал настаивать, лишь пожал плечами и сменил тему, отчего Инь Сюнь почувствовал себя еще более ловко.

Приехав в город, они направились напрямик в ресторанчик с сяолунбао. Услышав, что Лу Цинцзю хочет заказать двести штук, хозяин улыбнулся так широко, что его глаза превратились в узкие щелочки, и попросил вернуться через час.

Лу Цинцзю расплатился, после чего они зашли в ближайший чайный домик, заказали по чашке чая и уселись отдохнуть и поболтать.

«Эх, самый богатый в нашем доме - это ты, — вздохнул Инь Сюнь. — Бай Юэху и я - мы братья по несчастью, оба невероятно бедны...»

«Ты тоже бедный? — удивился Лу Цинцзю. — Разве ты не Бог гор?»

«Не напоминай, — махнул рукой Инь Сюнь. — До твоего возвращения я и теплой еды-то не видел».

Лу Цинцзю: «...» И как же вы тут жили?

Пока они беседовали, к их столику подошел молодой человек и без тени сомнения уселся напротив Лу Цинцзю.

На вид ему было лет двадцать. Он был красив, но холодная, высокомерная аура, исходившая от него, заставляла окружающих чувствовать себя не в своей тарелке.

Увидев его, Лу Цинцзю и Инь Сюнь замолчали. Они обменялись быстрыми взглядами - в глазах каждого читалось недоумение. Очевидно, никто из них этого юношу не знал.

«Как тебя зовут?» — молодой человек устремил взгляд на Инь Сюня. Тон его был резок, а взгляд - откровенно недружелюбен.

Инь Сюнь опешил от такой прямолинейности: «А вы... кто? Кажется, мы не знакомы?»

«Я офицер полиции», — молодой человек достал из кармана удостоверение и мельком показал его.

В удостоверении значилось, что он - офицер полиции по имени Пан Цзыци. Его непрошенное появление и грубый тон не располагали к дружелюбию. Лу Цинцзю холодно спросил: «Офицер Пан, мы, кажется, ничего не нарушили? Не понимаю, с чего бы вам относиться к нам подобным образом».

Пан Цзыци бросил на Лу Цинцзю беглый взгляд и проигнорировал его слова, постучав костяшками пальцев по столу перед Инь Сюнем: «Я спрашиваю, как тебя зовут?»

«Я? — Инь Сюнь, ставший мишенью полицейского по необъяснимой причине, ответил с легкой обидой. — Инь Сюнь. Могу я поинтересоваться, в чем дело?»

«Где живешь?» — продолжил допрос Пан Цзыци.

Инь Сюнь пришел в ярость от его бесцеремонного вопроса и с размаху хлопнул ладонью по

столу: «Что это за тон? Вы преступника допрашиваете?»

Однако Пан Цзыци лишь рассмеялся в ответ на его гнев: «Если ты ни в чем не виноват, чего бояться сказать, где живешь?»

Инь Сюнь: «Даже будучи полицейским, разве вы можете допрашивать людей без оснований? Подойти с улицы и задавать такие вопросы – это не слишком ли бесцеремонно?»

«Я вежлив только с людьми», — парировал Пан Цзыци.

Слова его прозвучали как оскорбление, но, если вдуматься, таили в себе иной смысл. Лица Лу Цинцзю и Инь Сюня на мгновение застыли. Затем Инь Сюнь сверкнул глазами и гневно бросил: «Офицер Пан, на что вы намекаете? Хотите сказать, что я – не человек?»

Пан Цзыци уже собирался ответить, как сзади на его плечи легла пара рук. Послышался усталый голос – это был старый знакомый Лу Цинцзю, офицер Ху Шу: «Простите, простите, побеспокоили вас».

Ху Шу был в гражданском и стоял за спиной Пан Цзыци с горькой улыбкой: «Это мой новый коллега из участка...»

«Он сказал, что я не человек», — спрятав беспокойство в глубине души, Инь Сюнь нарочито разъярился.

«Эх, извините, извините, ребенок еще новичок, — заспешил Ху Шу, — не обращайтесь на него внимания».

Услышав это, Пан Цзыци с обиженным видом вывернулся из рук Ху Шу, встал и процедил: «Кого ты „ребенком“ называешь?»

Ху Шу: «Тебя, конечно».

Пан Цзыци: «Да ты ненамного старше меня!»

Ху Шу пожал плечами: «На год тоже старше».

Пан Цзыци, казалось, слегка задет. Он кивнул в сторону Лу Цинцзю: «Ты его знаешь?»

«Знаю, — кивнул Ху Шу. — Помог то прошлое дело закрыть».

Пан Цзыци смерил Лу Цинцзю оценивающим взглядом с головы до ног: «С ним живешь?» —

имея в виду, естественно, Инь Сюня.

«Мы из одной деревни», — ответил Лу Цинцзю.

«Если и ты в этом разбираешься, то должен понимать, что рядом с тобой есть нечто... угрожающее, верно?» — слова Пан Цзыци прозвучали как гром среди ясного неба.

«Угрожающее? Что вы имеете в виду?» — насторожился Лу Цинцзю.

«Дух дикого зверя, — произнося «зверя», Пан Цзыци бросил взгляд на Инь Сюня. — Зверь есть зверь. Может маскироваться под человека, но стоит разозлиться — и тут же покажет свою хищную натуру. Когда время придет, жалеть будет поздно».

Лу Цинцзю усмехнулся: «Опыта у вас, я смотрю, немало».

Пан Цзыци ответил усмешкой: «Опыт этот оплачен жизнями наших предшественников». Он хотел продолжить, но Лу Цинцзю жестом остановил его.

Тон Лу Цинцзю был мягок, но в словах чувствовалась сталь: «Офицер Пан, благодарю за совет. Но в своих делах я разбираюсь. Мне не нужно, чтобы кто-то решал за меня».

Пан Цзыци пристально посмотрел на него и холодно бросил: «Надеюсь, это так».

Лу Цинцзю больше не стал с ним разговаривать, подозвал Инь Сюня и ушел. Пан Цзыци не пытался их удерживать, но его враждебный взгляд проводил их неотрывно. О чем он думал — оставалось загадкой.

Инь Сюнь был глубоко оскорблен словами Пан Цзыци и всю дорогу ворчал, что этот тип несет чушь, какой там дикий зверь, он сам-то — просто жалкий, бедный и немощный горный божок...

Лу Цинцзю с усмешкой заметил: «А ты не подумал, что дикий зверь, о котором он говорил, — возможно, не ты?»

Инь Сюнь: «Это... Стоп. Ты хочешь сказать, он имел в виду Бай Юэху?»

«Очень вероятно». Бай Юэху куда больше походил на «дикого зверя», чем Инь Сюнь.

Инь Сюнь вздохнул: «Все равно, терпеть не могу таких людей».

Лу Цинцзю промолчал. Они подошли ко входу в закусочную, заказали упаковать сяолунбао на вынос и бросили несколько небрежных взглядов на чайную, где сидели прежде.

Тем временем Пан Цзыци и Ху Шу заняли их столик и, казалось, завязали жаркий спор. Они были далековато, но Лу Цинцзю разглядел, как Ху Шу возбужденно хлопнул по столу, а Пан Цзыци ответил тем же.

Лу Цинцзю наблюдал за ними какое-то время, но его не покидало ощущение, что что-то не так.

Инь Сюнь, не будучи человеком, обладал куда более острыми чувствами. Он удивленно воскликнул: «Эй, странно. Кто это рядом с Пан Цзыци?»

«Что? — переспросил Лу Цинцзю. — Ты о Ху Шу?»

«Нет, не он, — сказал Инь Сюнь. — Взгляни на того, кто стоит позади...»

Лу Цинцзю вгляделся внимательнее и лишь тогда заметил фигуру рядом с Пан Цзыци. Это была женщина в сине-зеленой юбке, с длинными волосами и большим коричневым зонтом в руках. Зонт был невероятно широким и глубоким, полностью скрывая ее лицо. На первый взгляд, эта женщина не имела к Пан Цзыци никакого отношения, но, присмотревшись, можно было заметить, что она намеренно держалась у него за спиной.

«Что... это такое?» — Лу Цинцзю слегка опешил. Существо явно не принадлежало к человеческому роду. Не укажи на него Инь Сюнь, он бы никогда не заметил эту тень, неотступно следующую за офицером.

«И сам не пойму, — озадаченно огляделся Инь Сюнь. — Не похоже на что-то доброе...»

Существо выглядело крайне неестественно, от него веяло такой таинственностью, что приближаться не хотелось.

Лу Цинцзю спросил: «...Он сам ее не видит?»

Инь Сюнь: «Похоже, что нет».

Видимо, их пристальные взгляды стали слишком явными, и Пан Цзыци почувствовал их. Он резко встал, бросив в сторону закуской колкий взгляд, и зашагал прочь. Он шел впереди, а женщина с зонтом поплыла следом, будто не касаясь земли. Казалось, у нее вовсе не было ног — она скользила по воздуху. Когда Пан Цзыци ускорился, ускорялась и она; когда замедлял шаг — замедлялась и тень. От этого зрелища у Лу Цинцзю по спине пробежали мурашки.

Проводив Пан Цзыци взглядом, Ху Шу с тяжелым вздохом подошел к ним и снова извинился. Он объяснил, что Пан Цзыци прислан сверху по особому делу и надолго не задержится. Мол, парень из Специального отдела, потому и заносит его, но в душе он не так уж плох...

Заметив странное выражение лиц Лу Цинцзю и Инь Сюня, Ху Шу спросил: «На что это вы уставились?»

Инь Сюнь привлек его ближе и указал на удаляющуюся фигуру Пан Цзыци: «Вы это видите?»

«Что „это“?» — Ху Шу был искренне озадачен.

«Ну... Странный человек, или что-то в этом роде», — уклончиво ответил Инь Сюнь.

«Странный человек? — Ху Шу махнул рукой. — Кроме самого Пан Цзыци, в нашем городе странных людей нет».

Этими словами он подтвердил, что женщины в зеленом за спиной коллеги не видит. Инь Сюнь не решился говорить прямее: «Когда вернетесь в участок, передайте ему... что за ним что-то следует».

«Ладно, но это как раз по части его отдела, — отмахнулся Ху Шу, — вам двоим нечего тревожиться».

Из дальнейшего разговора Лу Цинцзю выяснил, что в городе вновь что-то стряслось, и начальство прислало разбираться специалистов из особого отдела. Подробности были закрытыми, и Ху Шу распространяться не стал.

Пока они беседовали, в закуской завернули их заказ. Ху Шу помог отнести пакеты с сяолунбао в машину и в недоумении спросил, зачем они купили так много. В семье-то всего три человека — на недели хватит.

Лу Цинцзю лишь улыбнулся в ответ. Только небесам было ведомо, что даже этого количества вряд ли хватит, чтобы насытить Бай Юэху.

Вернувшись домой, Лу Цинцзю разогрел сяолунбао, нарезал маринованных овощей к каше, и все трое принялись за еду. Вкус сяолунбао не изменился — все та же тонкая кожица и сочная начинка, один укус — и рот наполнялся ароматным соком. Даже Лу Цинцзю ел один за другим, не останавливаясь.

За трапезой он рассказал Бай Юэху о городской встрече, опустив некоторые детали, но подробно описав женщину с зонтом. Им с Инь Сюнем было любопытно, что это за существо.

В ответ Бай Юэху лишь заметил, что люди поистине бесстрашны.

«Что ты имеешь в виду? Бесстрашны?» — не понял Лу Цинцзю.

Бай Юэху: «Да. Он прикоснулся к тому, к чему не следовало».

«А к чему именно? — вмешался Инь Сюнь. — Это проклятие какое-то?»

«Этого я не знаю. Но он и сам все прекрасно понимает». — Дела Пан Цзыци, судя по всему, не вызывали у Бай Юэху ни малейшего интереса.

Глядя на его реакцию, Лу Цинцзю уловил главное... Видимо, это существо невкусное, иначе Бай Юэху не остался бы так равнодушен.

«Страшно как-то, когда за тобой такое следует, — Инь Сюнь все еще не мог успокоиться, — а сам он, кажется, даже не подозревает...»

Лу Цинцзю: «Да».

Любопытство любопытством, но слишком погружаться в эту тему они не стали. На том и порешили.

В том году выдалось мало дождей, зато солнца было вдоволь, что сулило богатый урожай фруктов. Инь Сюнь, знавший все тайны гор, сообщил, что на одном из склонов созрела дикая восковница*. Ягоды уже налились румянцем, и он позвал Лу Цинцзю вместе отправиться за добычей.

[*Восковница красная (*Mugia rubra*), также известная как янгмэ, ямамомо, восковая ягода, китайская земляника – плодовое дерево семейства Мириковые, распространенное в Восточной Азии.]

Период созревания у восковницы короткий, всего около десяти дней. У ягод нет защитной оболочки, и их легко склевывают птицы или насекомые, поэтому дикie плоды – большая редкость. Инь Сюнь берег эту рощицу специально для них.

Кусты восковницы были невысокими, и на зеленых ветвях гроздьями висели огненно-красные ягоды. Некоторые уже полностью спели, обретя глубокий пурпурно-багряный оттенок. Лу Цинцзю сорвал одну, положил в рот и одобрително кивнул: «Сладкая».

«Еще бы, — с гордостью сказал Инь Сюнь. — Эти деревья – плод моих многолетних стараний...»

Лу Цинцзю: «Их так много. Ты сам все съедал?»

Инь Сюнь объяснил: «Если не съедал, то собирал на продажу, а на вырученные деньги покупал немного мяса...»

«...» Почему это звучит так... жалко?

Они ели и неспешно собирали ягоды. К тому времени, как корзина наполнилась, оба были почти сыты. Плоды красной восковницы обладали коварным свойством: пока ешь – сладко, но если перебрать, зубы начинали ныть. С Лу Цинцзю всё было в порядке, а вот Инь Сюнь, набив желудок, скривился от боли – к ужину он даже притронуться не смог. Лу Цинцзю откровенно потешался над ним.

Бай Юэху тоже пришлось по вкусу эти алые ягоды. Лу Цинцзю, вымыв их, выложил в большую пиалу и поставил перед лисом. Инь Сюнь с горькой завистью наблюдал со стороны. Аппетит ещё оставался, но зубы уже сдались. Под его тоскливым взглядом Бай Юэху невозмутимо и медленно лакомился ягодами, не достаивая страдальца даже взглядом.

Несколько десятков цзинь собранных ягод растворились в ненасытной утробе Бай Юэху. Часть Лу Цинцзю отправил соседям с Ли Сяюем, а из остатков сварил варенье.

Из красной восковницы получалось превосходное варенье. Лу Цинцзю приготовил его по тому же рецепту, что и вишнёвое. Благодаря высокому содержанию сока и сахара, кислинка уходила, оставляя лишь густую, бархатистую сладость. Летом, смешанное с ледяной водой, оно превращалось в напиток даже более приятный, чем из терпкой сливы. Лето уже перевалило за половину, скоро осень – и Лу Цинцзю собрался в город за семенами для нового сезона.

Обычно фермеру, ведущему хозяйство, нужно зорко следить за круговоротом сезонов и заблаговременно высаживать культуры. Но с тех пор, как Бай Юэху взял бразды правления в свои руки, с плеч Лу Цинцзю свалилась добрая половина забот. Теперь ему достаточно было обеспечить лиса семенами – и урожай поспевал удивительно быстро. Порой, проходя через деревню, Лу Цинцзю болтал с местными тётушками и всякий раз слышал восторженные похвалы в адрес Бай Юэху. Того называли прирождённым хозяином: мол, этот статный и ловкий юноша управляет с работой проворнее любого. Спрашивали, сколько лет он уже занимается земледелием, а если нет – откуда такие удивительные навыки? Вся деревня пахала на быках, а он один запросто вспахал все поля...

После таких бесед настроение Лу Цинцзю становилось странным. Другие заводят страстные романы с лисицами-обольстительницами, а его лис будто забыл о своей кокетливой природе: все его помыслы были отданы их полям. Поэтому, вернувшись домой, Лу Цинцзю, желая выразить свою нежную заботу, протушил целую кастрюлю говядины.

Инь Сюнь даже смущённо поинтересовался, не случилось ли чего радостного, но в ответ увидел лишь любящий, полный умиления взгляд, который Лу Цинцзю устремил на Бай Юэху, а затем и на него самого, после чего положил каждому по увесистому куску мяса со словами: «Кушайте, кушайте побольше».

Инь Сюнь: «...» Что вообще происходит?

После трапезы Лу Цинцзю велел Инь Сюню вымыть посуду, а сам собрался в город – за семенами и приправами. Он задумал приготовить куриные лапки и говядину на закуску, но соус был на исходе.

«Езжай, езжай, — отозвался Инь Сюнь. — Только возвращайся поскорее».

Лу Цинцзю кивнул. Перекинув сумку через плечо, он подошёл к пикапу, приоткрыл капот и сунул внутрь несколько фруктовых леденцов. Затем похлопал машину по крыше: «Потрудились мы с тобой. Нужно снова наведаться в город».

Пикап радостно просигналил в ответ, и на этот раз их путь через горы пролетел чуть быстрее.

Лу Цинцзю выехал в полдень. Он рассчитывал, что, купив семена и специи, сразу же отправится обратно, – к ужину как раз успели бы тушёные куриные лапки.

Припарковавшись, он направился в магазин, чтобы выбрать семена для осенней посадки. Расплачиваясь на выходе, он краем глаза заметил мелькнувшую за дверью знакомую фигуру.

Лу Цинцзю обернулся и увидел Пан Цзыци – того самого, что некогда так грубо обошелся с ними. Он присмотрелся, и глаза его непроизвольно расширились от ужаса.

«Что такое?» — спросил хозяин магазина, заметив странное выражение на лице покупателя.

«... Ничего», — бесцветно ответил Лу Цинцзю, качнув головой.

«Знакомы с этим новым полицейским? — Хозяин, решив, что между ними есть недопонимание, снисходительно пояснил: — Характер у него тяжёлый, но службу несёт исправно. Говорят, прислан сверху, ненадолго...»

«А...» — неопределённо протянул Лу Цинцзю, но ужас в его глазах не угас.

Пан Цзыци выглядел так же, как и при прошлой встрече. Изменилась лишь женщина, что шла за ним по пятам. Теперь она стояла вплотную за его спиной, положив голову ему на плечо, а зонт в её руке укрывал их обоих. На сей раз Лу Цинцзю разглядел её лицо отчётливо. Оно определённо не принадлежало человеку. В глазах не было зрачков – только мутные белки, а с мочек ушей свисали две шипящие змейки. Одна – изумрудно-зелёная, другая – кроваво-красная; обе уставились на Пан Цзыци немигающими чёрными бусинками.

По коже Лу Цинцзю пробежали мурашки. Он уже собрался отвести взгляд, как вдруг понял – существо заметило его интерес. Голова женщины медленно повернулась в его сторону, и

пустой, бездонный взгляд упал на него сверху вниз. Под этим леденящим, лишённым всякой жизни вниманием спина Лу Цинцзю похолодела. Он сделал вид, что ничего не заметил, беззаботно отвернувшись, но ощущение враждебного наблюдения не отпускало, пока Пан Цзыци, завершая обход, не скрылся за поворотом.

Что это за тварь? И чем Пан Цзыци успел навлечь на себя её гнев? С затаённой дрожью Лу Цинцзю подумал, что, судя по всему, разгневать такое создание было немудрено. Если Бай Юэху говорил правду, то беды полицейскому не миновать...

Автору есть что сказать:

Лу Цинцзю: «Что же свело нас вместе? Неужели любовь?»

Бай Юэху: «Бедность».

Лу Цинцзю: «...»

Переводчику есть что сказать:

ессо: Да-да-да! Твой лис не такой, как другие безнравственные соблазнительные лисы. Он -чистый и бедный дух.

<http://bllate.org/book/15722/1506654>